

А.А. Митрофанов
Государственный академический
университет гуманитарных наук,
Москва

ПРОБЛЕМА «БАНДИТИЗМА» ЭПОХИ ДИРЕКТОРИИ В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Современная французская историография Революции XVIII в. многим обязана достижениям историков из других стран. Тем не менее сегодня именно французские исследования вернули себе первенствующее положение. В наши дни концепция народной антиреволюции, разрабатываемая с 1980-х гг. К. Лукасом, Р. Дюпюи и Ж.-К. Мартеном приобрела особое значение для французской национальной памяти и актуализирует активное обращение к теме «бандитизма». Такое понятие на рубеже XVIII–XIX в. являлось весьма расплывчатым: «бандитами» в эпоху Директории и Наполеона считались все, кто совершал преступления против государства и оказывался «вне закона» (повстанцы, политическая оппозиция, разбойники и т.д.). В статье анализируется историографическая ситуация текущего момента в изучении данной темы. Особое внимание уделяется обобщающим работам В. Соттоказы, Я. Боска и М. Белиссы. Автор показывает, что поворот во французской науке к данной проблематике только намечен: предстоит еще разработать новый категориальный аппарат, перейти от изучения дискурса и юридической стороны этого вопроса к исторической антропологии и стереть хронологические барьеры темы.

Ключевые слова: Французская революция, бандитизм, антиреволюция, народный протест, В. Соттоказа, Я. Боск, М. Белисса, С. Клэй

Благодарности: Исследование выполнено в Государственном академическом университете гуманитарных наук: проект № FZNF 2022–0002 «Народные движения в защиту традиционных ценностей от французской революционной экспансии в Западной Европе и России конца XVIII – начала XIX вв.», реализуемый по итогам отбора научных проектов, проведенных Министерством высшего образования и науки РФ и ЭИСИ.

Цитирование: Митрофанов А.А. Проблема «бандитизма» эпохи Директории в современной французской историографии. DOI 10.32608/0235-4349-2022-1-55-356-370 // Французский ежегодник 2022. Т. 55. М.: ИВИ РАН, 2022. С. 356-370.

Поступила в редакцию: 25.01.2022
Принята к печати: 24.02.2022

Andrey Mitrofanov

State Academic
University of the Humanities,
Moscow

THE PROBLEM OF «BANDITRY» OF THE DIRECTORY PERIOD IN MODERN FRENCH HISTORIOGRAPHY

Contemporary French historiography of the Revolution of the 18th century is closely connected with the achievements of historians from other countries. Nevertheless, many factors contribute to the fact that it is French scholars that have regained their pre-eminent position. Today, the concept of popular anti-revolution, developed since the 1980s by C. Lucas, R. Dupuy and J.-C. Martin acquired a special significance for the French national memory and actualizes a new appeal to the topic of «banditry» («brigandage»). This category at the turn of the 18th and 19th centuries was very vague. The «bandits» of the era of the Directory and Napoleon were all those who committed crimes against the state and were «outside the law» (rebels, political opposition, robbers, etc.). The author of the article analyzes the correspondent historiographic situation at the current moment. The particular attention is paid to the generalizing works of V. Sottocasa, Y. Bosc and M. Belissa. The author shows that a turn in French studies of these subjects is just planned: it is necessary also to develop a new categorical apparatus, move from the study of discourse and the legal side of this issue to historical anthropology and erase the chronological barriers of the topic. Keywords: French Revolution, banditry, anti-revolution, popular protest, V. Sottokasa, Y. Bosc, M. Belissa, S. Clay

Acknowledgements: The research was carried out at the State Academic University of Humanities: project No. FZNF 2022-0002 "Popular movements in defense of traditional values from the French revolutionary expansion in Western Europe and Russia of the late XVIII – early XIX centuries", implemented on the results of the selection of scientific projects done by the Ministry of Higher Education and Science of the Russian Federation and the EISI.

Citation: Mitrofanov, A. (2022). Problema «banditizma» épokhi Direktorii v sovremennoï frantsuzskoï istoriografii [The problem of «banditry» of the Directory Period in Modern French Historiography]. DOI 10.32608/0235-4349-2022-1-55-356-370. *Annual of French Studies* 2022, vol. 55, p. 356-370.

В период Директории всю Францию, а затем и присоединенные к ней новые департаменты, стремительно охватывал бандитизм. Само это явление, разумеется, не было для Франции новым: вооруженный протест и разбой фиксируются историками-медиевистами и модернистами в предшествующие Революции годы и столетия¹. Однако именно во время Революции термин *brigands* (бандиты, разбойники) занимает в политическом дискурсе одно из центральных мест. Так называют всех, кто совершает любые виды преступлений против государства, в число которых входят и политический протест, и крестьянские восстания, и различные формы коллективного насилия, и уголовный разбой². Политики и правоведы в последние годы XVIII столетия создали своеобразную амальгаму, обозначая единым термином *brigandage* совершенно разные явления и одновременно формируя общий механизм их подавления, закрепленный в политико-правовом лексиконе³. Законодательство обогащалось все новыми нормами и правилами в сфере борьбы с политическим и криминальным насилием, но политический режим, созданный в 1795 г., так и не решил эту сложную проблему, оставив ее в наследство Наполеону. Только в годы Консульства на территории собственно Франции удалось создать новую систему социального контроля, способную в значительной степени искоренить как антигосударственный вооруженный протест и повстанческие движения, так и уголовный разбой, вернув страну к состоянию гражданского мира⁴. В присоединенных к Франции департаментах на территории Германии и Италии, а также на Иберийском полуострове успехи власти в 1800-е гг. уже будут далеко не столь очевидными и прочными⁵.

¹ Форрест А. За кромкой поля боя. Жизнь военных во времена Революционных и Наполеоновских войн. М., 2022. С. 92–95.

² Чудинов А.В. «Солдаты свободы» или смертельный враг? Французы в Южной Италии 1798–1799 гг. // Известия УрФУ. Серия 2: Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 2 (151). С. 37.

³ В связи с этим обстоятельством далее в тексте термин «бандитизм» мы берем в кавычки, дабы подчеркнуть, что это только калька термина из официального лексикона эпохи Революции и Первой империи.

⁴ Brown H.G. Ending the French Revolution: Violence, Justice, and Repression from the Terror to Napoleon. Charlottesville, 2006; Brown H.G. From Organic Society to Security State: The War on Brigandage in France 1797–1802 // Journal of Modern History, 1997. № 69. P. 661–695.

⁵ Broers M. Napoleon's Other War. Bandits, Rebels and their Pursuers in the Age of Revolution. Oxford, 2010. P. 53–128, 157–180. О трансформации образов антифранцузского сопротивления в Альпах см.: Чудинов А.В. Вторая смерть Андреаса Хофера? Особенности эволюции исторической памяти о Тиро́льском восстании 1809 г. // ЭНОЖ «История». 2019. Т. 11. Вып. 4 (90). Электронный ресурс: <https://history.jes.su/s207987840008940-3-1/> Дата обращения: 25.02.2022.

Период между концом 1970-х – началом 2000-х гг. стал временем подлинного расцвета историографии антиреволюционных движений. Уместно вспомнить о работах Д. Сазерленда, Г. Льюиса, А. Форреста, Ж.-К. Мартена, Р. Дюпюи, К. Лукаса, Г. Брауна и ряда других исследователей. Одни из них следовали по пути, намеченному Чарльзом Тилли, другие – Ричардом Коббом. В центре их внимания находилась уже не только важная для понимания истории всей Революции Вандея, но и другие территории Франции. В этот период первенство по праву принадлежало англоязычным историкам, которые занимались и детальным анализом волн коллективного насилия «снизу», и их исторической антропологией, и даже микроисторией⁶. Несмотря на количество трудов, опубликованных на рубеже веков и в 2000-х гг., новый категориальный аппарат так и не был создан: историки по сей день пользуются тезисами и терминами, введенными в научный оборот еще Ф. Функом-Брентано, М. Марионом и Э. Хобсбаумом⁷.

В 2000-е гг. положение несколько изменилось, и в последние годы наибольший вклад в дело изучения этих процессов вносят уже французские исследователи. В нашей статье мы попытаемся проанализировать основные подходы, имеющие важное значение для современной историографии и получившие наиболее яркое отражение в исследованиях Валери Соттоказы⁸, Яника Боска, Марка Белиссы⁹ и некоторых других авторов.

По итогам проводившегося в Тулузе в 2007 г. коллоквиума «Бандиты: преступность и политический протест (1750–1850)», в котором участвовали Ж.-К. Мартен, Ф. Бурдэн, Б. Гэно, В. Соттоказа и другие, известный английский историк А. Форрест сделал несколько важных обобщений, которые зафиксировали проблематику дискурса, что предопределило основное направление поисков для французских ученых. Форрест подчеркивал, что в политическом и повседневном обиходе бандит не просто маргинал, но

⁶ *Sutherland D. M. G. Murder in Aubagne: Lynching, Law, and Justice during the French Revolution. N.Y., 2009.*

⁷ *Funk-Brentano F. Les brigands. P., 1937; Marion M. Le brigandage pendant la Révolution. P., 1934; Hobsbawm E.J. Bandits. New York, 1969 [Рус. Пер.: Хобсбаум Э. Бандиты. М., 2020].*

⁸ *Sottocasa V. Les «brigands» des montagnes de Languedoc pendant la Révolution française // Les brigands. Criminalité et protestation politique (1750–1850). Rennes, 2013. P. 155–174; Sottocasa V. Les brigands et la Révolution. Violences politiques et criminalité dans le Midi (1789–1802). Ceyzérieu, 2016; Sottocasa V. Le Directoire face au brigandage criminalité, protestation politique et violence d'état // Le Directoire: forger la République, 1795–1799. P., 2020. P. 55–71.*

⁹ *Belissa M., Bosc Y. Le Directoire: La République sans la démocratie. P., 2018.*

опасный субъект, борющийся против государства и находящийся «вне закона». При этом на протяжении периода 1790-х – 1800-х гг. не существовало точного определения этого понятия, и оно только расширялось¹⁰.

Первые значимые работы о феномене бандитизма в контексте антиреволюции, основанные на обширном корпусе архивных источников, опубликовал в 2000-х гг. Стивен Клэй¹¹. Вместе с тем обратим внимание на то, как эта концепция наполнялась анализом конкретных сюжетов на примере трудов В. Соттоказы, изучавшей социальные движения южных регионов Франции XVIII в.¹² Еще в своей фундаментальной монографии 2016 г. «Бандиты и Революция. Политическое насилие и преступность на юге 1789–1802» она показала, как оригинальные формы «бандитизма» рождались в конце XVIII в. в новых и старых департаментах страны. Если в Лангедоке истоки политического насилия она возводит к эпохе религиозных войн (первые проявления – резня в Ниме 1790 г.), то во внутреннем Провансе революционный энтузиазм сторонников присоединения бывших папских владений породил уродливые формы насилия в 1791 г. (резня в Авиньоне)¹³. Именно революционный бандитизм, исходивший снизу, породил ненависть, страх и вражду, подстегивал развитие радикализма и волн насилия. Автор доказывает, что роялизм и контрреволюционность Юга стали реальностью уже к 1791–1792 гг., задолго до Термидора. Соттоказа предостерегает коллег от того, чтобы в силу историографической моды сводить суть конфликтов на Юге к вражде кланов и фракций: это только одна из возможных моделей для объяснения «белого террора» после Термидора и термин «бандиты», считает она, вполне применим к роялистским бандам, охотившимся за бывшими якобинцами в 1794–1797 гг., но весь феномен политического бандитизма не сводится только к этим кровавым эпизодам¹⁴.

¹⁰ Forrest A. Déserteurs et brigands sous la Révolution et l'Empire : état de la question // Les brigands. Criminalité et protestation politique (1750–1850). Rennes, 2013. P. 91–106. Развернутый анализ бандитизма у А. Форреста см.: Форрест А. Указ. соч. С. 92–112.

¹¹ Clay S. Les réactions du Midi : conflits, continuités et violences // AHRF. 2006. № 345. P. 55–91; Clay S. Justice, vengeance et passé révolutionnaire: les crimes de la terreur blanche // AHRF. 2007. № 350. P. 109–133.

¹² Sottocasa V. Mémoires affrontées, protestants et catholiques face à la Révolution dans les montagnes du Languedoc. Rennes, 2004.

¹³ Sottocasa V. Les brigands et la Révolution... P. 92–94, 100–126.

¹⁴ В этом мы видим косвенную полемику В. Соттоказы с концепцией С. Клэя. Ср. Clay S. Le brigandage en Provence du Directoire au Consulat (1795–1802) // Du Directoire au Consulat. Brumaire dans l'histoire du lien politique et de l'état-nation. Lille, 2001. Т. 3. P. 67–89.

В своих работах, вышедших в 2010-х гг., Соттоказа более подробно освещает разные аспекты политического бандитизма конца XVIII – начала XIX вв. В наиболее полном виде она разбирает период Директории в первой главе коллективной монографии «Директория: выковывая республику. 1795–1799»¹⁵. По мнению В. Соттоказы VI и VII годы Республики были отмечены репрессивным поворотом против «врагов отечества». Директория, тем самым, прибегала к более ранним политическим практикам. Необходимость же репрессий вытекала еще из философии Просвещения: невозможно обладать свободой, не будучи в безопасности, а преступники ведут подлинную войну против отечества. Преступник не только враг государства и общества, но и противостоит самому принципу человечности: это подлинное «чудовище». Политический лексикон эпохи, речи и официальные документы, постановления судов показывают, как расцветает терминология этой дегуманизации: преступники именуются не только «разбойниками», но и «тиграми, алчущими крови» или «многоголовыми гидрами».

Уже с 1789 г. революционные элиты трудились над созданием образа «врагов нации», отмечает Соттоказа. Законодатели при Директории рассматривали принцип безопасности как определяющий для завершения Революции. Репрессивные законы, введенные при Терроре, не исчезли с падением Робеспьера. Термидорианцы провели ревизию законов против эмигрантов, среди которых, кто поднимал оружие против Республики, карались смертью, но вынесение приговоров было изъято из ведения военных трибуналов и передано гражданским судам. Термидорианцы желали возврата к гражданскому миру путем своеобразной селекции «врагов народа и республики» и путем частичных амнистий. Но «белый террор» продемонстрировал слабости этой политики. В начале V года Республики (сентябрь 1796 г.) власть начала трактовать грабежи на больших дорогах и разбой как политические акты и проявления «гражданской войны». Во флореале V года (апрель 1797 г.) рост насилия во многих департаментах вынудил принять закон о борьбе с бандитизмом, который приравнивал его к гражданской войне, актам вооруженного восстания против государства и общества. Все подозреваемые в этом роде преступлений подлежали смертной казни, даже если не были захвачены

¹⁵ *Sottocasa V. Le Directoire face au brigandage... P. 55–71.*

с оружием в руках. Все граждане должны были помогать в деле поимки бандитов, в противном случае, они рассматривались как их пособники.

Важным элементом концепции Соттоказы является анализ законодательства периода 1795–1799 гг. Интересно, на наш взгляд, что именно в ее текстах впервые в новой литературе отдельные законодательные акты VI–VII гг. Республики прямо и четко увязываются именно с последствиями конкретных региональных восстаний. А именно – в VI и VII гг. принимаются два закона. Первый стал следствием репрессивной волны после фрюктидо-рианского переворота и регионального восстания под началом барона де Сен-Кристоля. После вестей о победе над роялистами в Париже, объединившиеся в августе южные банды снова разделились, что подхлестнуло рост политического насилия. Нападения на местных функционеров стали массовым явлением. Под угрозой оказался принцип легитимности действующей власти. 29 нивоза VI года (18 января 1798 г.) был принят закон относительно разбоя и нападений на больших дорогах. Если преступления совершались двумя людьми или большей группой, то подозреваемые и их сообщники передавались в ведение военных трибуналов. Этот чрезвычайный закон, срок действия которого был ограничен одним годом, был затем продлен еще на год. Бандитизм и восстания, между тем, не прекращались, к тому же произошло крупное крестьянское восстание в бельгийских департаментах. Закон о подавлении этой вспышки народного протеста был принят 14 брюмера VII г. (4 ноября 1798 г.) В мессидоре VII года (июль 1799 г.) принимается и «закон о заложниках», символизировавший авторитарный и репрессивный перегиб: он предусматривал составление списков родственников эмигрантов, которые могут быть взяты в заложники в случае совершения нападений на представителей государства. Этот закон затрагивал значительную часть населения и увеличивал степень произвола со стороны властей.

Директория и ее агенты в провинции вынуждены были экспериментировать, как показывает нам Соттоказа. Борьба против бандитизма сначала была доверена судьям, муниципальным властям, национальной гвардии, затем жандармерии и, наконец, армии. В 1797–1799 гг. две последние силы становятся основными опорами власти, тогда как национальная гвардия оказалась не-

эффективной. Жандармерия была мобилизована, в основном, на борьбу с уголовными преступниками, армия – на борьбу с отрядами роялистов. На юге властям приходилось бороться с настоящей «бандитской» сетью и созданной повстанцами системой насилия, действовавшей параллельно государственной. В результате «бандитов» удалось если не уничтожить, то, по крайней мере, оттеснить подальше от городов и больших магистралей.

По мнению французской исследовательницы, чрезвычайная система правосудия нанесла немалый вред режиму и не всегда была последовательной. При Директории действовали военные суды, созданные еще в 1795 г. В их составе не было присяжных, а приговоры не подлежали обжалованию и исполнялись в течении суток. Согласно закону от 13 брюмера V года (3 ноября 1796 г.) сфера компетенции этих инстанций расширилась, в нее попадали наемники, шпионы, предводители и подстрекатели восстаний и, собственно, разбойники. Города и сельские коммуны, охваченные восстаниями и бандитизмом, объявлялись на «осадном положении». Нормы Конституции в таком случае временно отменялись, а власть переходила в руки военных.

Анализируя перипетии борьбы с «бандитизмом», В. Соттоказа затрагивает и более широкие вопросы эволюции политики, дискурса, общественного мнения. Обращение Директории к репрессиям вступало в противоречие с либеральными ценностями Революции. Конституция была многократно нарушена, а обращение гражданских властей за помощью к армии дискредитировало их самих, государство было максимально ослаблено. После 18 фрюктидора армия взяла на себя главную роль в деле поддержания общественного порядка. Парадоксально, но на Юге Франции 1797–1798 гг. стали временем наилучшей координации между силами правопорядка и были отмечены увеличением численности корпуса жандармов. Репрессии против политических преступников снова актуализировали вопрос об уважении к свободе общественного мнения. Сомнение в элитах и широких слоях общества всегда имело место при возникновении дискуссий о легитимности этих репрессий. Усиливавшая путаница в терминах «восстание», «политический протест», «уголовная преступность» подчеркивала амбивалентность самого понятия «бандитизм» и даже способствовала тому, что население стало чаще примыкать к различным вспышкам протеста.

Как следует из работы французского историка, при Директории феномен «бандитизма» ширился также в связи с массовым дезертирством призывников, которые примыкали к группам «бандитов-роялистов». Власть констатировала пособничество сельского населения повстанцам: еще закон 10 вандемьера IV года (2 октября 1795 г.) возлагал на коммуны ответственность за акты «бандитизма», совершенные на их территории. Но несмотря на суровость закона, он не помог мобилизовать население против повстанческих отрядов до самого конца режима Директории¹⁶. Именно поэтому властям пришлось объявить амнистию в октябре 1795 г.¹⁷ Однако, по мнению Соттоказы, амнистия в обстановке III г. могла быть только частичной: из нее исключалось большинство тех, кто рассматривался как враг государства. «В то время, как в Париже площадь Революции была переименована в площадь Согласия, раскол и насилие продолжали раздирать республику, позволяя опасаться новых всплесков гражданской войны, проявлением чего и будет взрывной рост бандитизма VIII года», – заключает французский историк¹⁸.

Первый консул наделил правом частичной амнистии своих генералов. На Юге, ослабленном долгими годами гражданского конфликта, в VIII г. среди населения стала популярной идея всеобщего примирения. Представители государства, судьи и военные высказывались за широкую амнистию, способную восстановить гражданский мир и спокойствие. 15 термидора VIII года (3 августа 1800 г.) амнистию в южных департаментах объявил командующий здешним военным округом генерал Ферино, создав, правда, параллельно одновременно и новый военный трибунал¹⁹. Власти были убеждены, что восстановление общественного согласия не может быть обеспечено только с помощью репрессий. На Западе уступки католической церкви призваны были отвлечь большую часть населения от поддержки контрреволюции, а закон от 7 нивоза VIII года (28 декабря 1799 г.) провозгласил в этих департаментах амнистию. Бонапарт отменил также закон о «заложниках».

¹⁶ *Sottocasa V. Le Directoire face au brigandage...* P. 68.

¹⁷ О проблеме см.: *Бовыкин Д.Ю.* «Здесь виновно все»: всеобщая амнистия как завершение Революции // *Анатомия власти: государи и подданные в Европе в Средние века и Новое время.* М., 2021. С. 356–375.

¹⁸ *Sottocasa V. Le Directoire face au brigandage...* P. 69.

¹⁹ Переворот 18 брюмера привел к созданию многочисленных военных трибуналов, в компетенцию которых входили все преступления, совершенные в городах, объявленных «на осадном положении». О трибунале см.: *Clay S. Le brigandage en Provence du Directoire au Consulat...* P. 76–81.

В то же время на Юге продолжали литься потоки крови, и общественные отношения еще далеки были от нормализации.

Подчеркнем, В. Соттоказа не ведет ни с кем дискуссий, ее материал весьма специфичен, тем не менее ее выводы подчеркивают слабость и неэффективность либерального авторитаризма Директории в борьбе с разными формами народного недовольства. К 1799 г. банды так и не были ликвидированы, хотя утратили стабильность и криминализировались. Проблема политической оппозиции не была решена. Однако население уже устало от насилия и в итоге готово было отказать «бандитам» в поддержке, последствия чего полностью проявились уже в первые годы Консульства²⁰.

И все же заметим, что из концепции В. Соттоказы недостаточно ясно, был ли весь механизм подавления протестов, коллективной преступности и оппозиции единым целым, или все же правильнее говорить о ситуативных реакциях членов Директории, нотаблей и военных, объединенных только общим дискурсом. В таком случае власти как раз и вынуждены были действовать с запозданием, не имея никакого четкого плана. Это было одинаково характерно как для «первой», так и для «второй» Директории²¹.

Вопросы о сущности революционного и контрреволюционного «бандитизма», сформулированные ведущими английскими, французскими и американскими историками в 1980-х – 2000-х гг. и так подробно исследованные на материалах Юга, теперь все чаще актуализируются в самых разных контекстах. Так, в монографии «Директория. Республика без демократии» (2018)²² Я. Боск и М. Белисса снова обращаются к теме политико-правового дискурса:

«Повсеместное присутствие [бандитизма] в сочинениях эпохи – было ли отражением нового и реального роста преступности и банд, вызванного народной нищетой и/или политическими смутами, или же это было всего лишь проекцией одержимости правителей идеей восстановления социального порядка? И то, и другое, без сомнения, но, хотя и трудно оценить этот феномен в целом, ясно, что “великий страх” собственников перед лицом того, что, как они считали является подъемом социальной преступности, базировалось отчасти на перманентных вызовах, на памяти об угрозе, исходившей от народа, начиная с 1793 г.»²³

²⁰ *Sottocasa V.* Le Directoire face au brigandage... P.71.

²¹ Хаотичный характер политики Директории показал еще Марсель Марион. См.: *Marion M.* Op. cit.

²² *Belissa M., Bosc Y.* Op. cit.

²³ *Ibid.* P. 97.

Авторы монографии показывают, что термин «бандиты» регулярно использовался с 1789 г. для обозначения оппозиции, а при Директории он чаще всего применялся по отношению к группам радикалов и контрреволюционеров. В источниках те предстают «кровопийцами» или «террористами», и та же терминология использовалась в отношении шуанов, неприсягнувших священников, дезертиров, бродяг и уголовных преступников.

Я. Боск и М. Белисса подчеркивают тяжелое положение режима Директории на примерах из разных регионов. Значительные территории страны рассматривались как «зараженные бандитизмом», отмечают они. Слабость сил правопорядка и подавления в деревнях, соучастие некоторых представителей местных властей и слабая поддержка режима на местах – всё это способствовало быстрому росту групп повстанцев и «бандитов» и затрудняло аресты и обычные судебные процедуры. К зонам традиционного «бандитизма» (между равниной и гористой местностью, в Оверни и на Верхней Луаре) в эти годы добавляются Прованс, долина Роны, Вандея, Бретань и Верхняя Нормандия. Земли к северу от Луары тоже были затронуты этим явлением. В 1797 г. дилижансы перевозившие деньги подвергались нападениям даже у застав Парижа. Присоединенные к Франции земли также знали аналогичные эпизоды «бандитизма»: банда Лупуаня в валлонском Брабанте грабила и убивала, уничтожала Деревья Свободы, но грабила преимущественно общественные кассы и приобретателей национальных имуществ. Этот феномен достиг кульминации во фламандской Бельгии и Люксембурге в октябре-декабре 1798 г. Сегодня историки предпочитают именовать те события «крестьянской войной», но само французское правительство рассматривало их как гигантскую эпидемию «бандитизма». Законы о конскрипции, налогах и религиозной политике Директории спровоцировали восстание тысяч людей, которые захватывали собственность, регистры о призыве в армию, уничтожали французскую символику, открывали ранее закрытые церкви и убивали жандармов. Ответные репрессии были жестокими: более 5000 инсургентов были убиты, после чего военные комиссии (трибуналы) осудили на смерть еще сотни людей. В данном случае Белисса и Боск полагают, что «крестьянская война» являлась примером «бандитизма» и национального, антиреволюционного восстания одновременно²⁴.

²⁴ Ibid. P. 98–99. См. специальные работы: *Ledent C. Voleurs ou révoltés? Un réseau de brigands brabançons devant la justice française (1799–1804)*. Louvain, 2011; *Rousseaux X. Rebelles ou brigands? La «guerre des paysans» dans les départements «belges»* (octobre-

Боск и Белисса детально исследовали и сам государственный аппарат подавления. Директория как до, так и после Фрюктидора занималась перестройкой судебной системы, применяя здесь, как и в большой политике, неконституционные методы. Попытка централизации репрессивного и судебного аппарата в республике к 1799 г. достигла невиданного ранее размаха. В своем анализе правовых новаций авторы монографии следуют уже известной схеме, особенно обращая внимание на выше упоминавшиеся закон от 15 мая 1797 г. «относительно бандитских преступлений», закон от 18 января 1798 г. и недолговечный закон о «заложниках» 24 мессидора VII года (12 июля 1799 г.), усиливавший этот репрессивный механизм до крайности. Как и В. Соттоказа, авторы полагают, что усилия Директории без реального увеличения сил жандармерии были обречены на провал, а настоящая война с «бандитизмом» развернулась только в первые годы Консульства²⁵.

Признавая большой вклад В. Соттоказы, все же отметим, что история бандитизма в приграничных регионах Юга все еще остается открытым вопросом. Историография этой темы не так богата, как литература о Провансе и Лангедоке²⁶. Например, в Приморских Альпах повстанческое движение и разбой достигли в 1792–1804 гг. огромного масштаба. Этой теме посвящены фундаментальные монографии М. Яфелиса и П. Пренан²⁷. Наиболее ценным вкладом Яфелиса в исследование антиреволюционного протеста является его опыт социально-антропологического анализа барбетизма, с одной стороны, как феномена эндемического, а с другой – как трансграничного²⁸. Спустя десятилетие книгу «Кошелек или жизнь! Бандитизм и его подавление в Ницце и Восточном Провансе (XVIII–XIX вв.)» на материалах департаментов Вар и Приморские Альпы в 2011 г. опубликовала Патрисия Пренан (1972–2017). Ее исследование является блестящим примером историко-юридического подхода в хронологии «большой длительности».

décembre 1798) // Cahiers d'histoire. Revue d'histoire critique. 2005. № 94–95. P. 101–132. URL : <http://journals.openedition.org/chrhc/1254> Дата обращения: 01.03.2022.

²⁵ Belissa M., Bosc Y. Op. cit. P. 100.

²⁶ См., например: Brunet M. Le Roussillon, une société contre l'État (1780–1820). Perpignan, 1990.

²⁷ Iafelice M. Barbets! Les résistances à la domination française dans le pays niçois (1792–1814). Nice, 1998; Prenant P. La bourse ou la vie! Le brigandage et sa répression dans le pays niçois et en Provence orientale (XVIIIe – XIXe siècles). Nice, 2011.

²⁸ В кратком изложении концепция Яфелиса: Iafelice M., Renzio L. Barbets du haut pays... Une résistance à l'occupation française à l'époque révolutionnaire. S.l., 2012.

Подведем итог. Проанализированные нами работы при всей разнице во взглядах их авторов демонстрируют верность французских историков традиционному историко-юридическому подходу. И В. Соттоказа, и Я. Боск с М. Белиссой рассматривают «бандитизм» как особый феномен, но вне общего контекста с народной антиреволюцией. И это при том, что региональные исследования, напротив, все больше убеждают: «бандиты» в большинстве своем все же являлись повстанцами; народный протест, в той или иной степени политизированный, был направлен прежде всего против республики; а те практики, которые квалифицировались законодателями как «бандитизм» были проявлением широкого антиреволюционного движения. Однако к концепции антиреволюции, предложенной Р. Дюпюи и К. Лукасом, рассмотренные здесь французские авторы относятся настороженно.

Так что пока еще приходится только ждать, когда на основе результатов многочисленных в последнее время региональных исследований возникнет новая концептуальная трактовка народной антиреволюции, которая, наконец, позволит уйти от той самой «амальгамы» понятий и терминов, которая утвердилась в политическом дискурсе еще эпохи Директории и, несмотря на все научные и политические перипетии, пережила два столетия.

REFERENCES

- Бовыкин Д.Ю.* «Здесь виновно все»: всеобщая амнистия как завершение Революции // *Анатомия власти: государи и подданные в Европе в Средние века и Новое время.* М., 2021. С. 356–375 [Bovykin D. Yu. «Zdes vinovno vse»: vseobshchaya amnistiya kak zavershenie Revolyucii // *Anatomiya vlasti: gosudari i poddannye v Evrope v Srednie veka i Novoe vremya.* Moskva, 2021. S. 356–375].
- Форрест А.* За кромкой поля боя. Жизнь военных во времена Революционных и Наполеоновских войн. М., 2022 [Forrest A. *Za kromkoj polya boya. Zhizn' voennyh vo vremena Revolyucionnyh i Napoleonovskih vojn.* Moskva, 2022].
- Хобсбаум Э.* Бандиты. М., 2020 [Hobsbawm E. *Bandity.* Moskva, 2020].
- Чудинов А.В.* «Солдаты свободы» или смертельный враг? Французы в Южной Италии 1798–1799 гг. // *Известия УрФУ. Серия 2: Гуманитарные науки.* 2016. Т. 18. № 2 (151). С. 25–41 [Tchoudinov A.V. «Soldaty svobody» ili smertelnijj vrag? Francuzy v Yuzhnoj Italii 1798–1799 gg. *Izvestiya UrFU. Seriya 2: Gumanitarnye nauki.* 2016. T. 18. № 2 (151). S. 25–41].

- Чудинов А.В. Вторая смерть Андреаса Хофера? Особенности эволюции исторической памяти о Тирольском восстании 1809 г. // ЭНОЖ «История». 2019. Т. 11. Вып. 4 (90) [Tchoudinov A.V. Vtoraya smert' Andreasa Hofera? Osobennosti evolyucii istoricheskoj pamtyati o Tirolskom vosstanii 1809 g. // ENOZH «Istoriya». 2019. T. 11. Vyp. 4 (90)]. URL: <https://history.jes.su/s207987840008940-3-1/>
- Belissa M., Bosc Y. Le Directoire: La République sans la démocratie. Paris, 2018.
- Brown H.G. Ending the French Revolution: Violence, Justice, and Repression from the Terror to Napoleon. Charlottesville, 2006.
- Brown H.G. From Organic Society to Security State: The War on Brigandage in France 1797–1802 // Journal of Modern History, 1997. № 69. P. 661–695.
- Broers M. Napoleon's Other War. Bandits, Rebels and their Pursuers in the Age of Revolution. Oxford, 2010.
- Brunet M. Le Roussillon, une société contre l'État (1780–1820). Perpignan, 1990.
- Clay S. Les réactions du midi : conflits, continuités et violences // Annales historiques de la Révolution française. 2006. № 345. P. 55–91.
- Clay S. Justice, vengeance et passé révolutionnaire : les crimes de la terreur blanche // Annales historiques de la Révolution française. 2007. № 350. P. 109–133.
- Clay S. Le brigandage en Provence du Directoire au Consulat (1795–1802) // Du Directoire au Consulat. Brumaire dans l'histoire du lien politique et de l'état-nation. Lille, 2001. T. 3. P. 67–89.
- Forrest A. Deserteurs et brigands sous la Revolution et l'Empire: état de la question // Les brigands. Criminalité et protestation politique (1750–1850). Rennes, 2013. P. 91–106.
- Funk-Brentano F. Les brigands. Paris, 1937.
- Hobsbawm E.J. Bandits. New York, 1969.
- Iafelice M. Barbets! Les résistances à la domination française dans le pays niçois (1792–1814). Nice, 1998.
- Iafelice M., Renzio L. Barbets du haut pays... Une résistance à l'occupation française à l'époque révolutionnaire. S.l., 2012.
- Ledent C. Voleurs ou révoltés? Un réseau de brigands brabançons devant la justice française (1799–1804). Louvain, 2011.
- Marion M. Le brigandage pendant la Révolution. Paris, 1934.
- Sottocasa V. Mémoires affrontées, protestants et catholiques face à la Révolution dans les montagnes du Languedoc. Rennes, 2004.

- Sottocasa V.* Les «brigands» des montagnes de Languedoc pendant la Revolution française // Les brigands. Criminalité et protestation politique (1750–1850). Rennes, 2013. P. 155–174.
- Sottocasa V.* Les brigands et la Revolution. Violences politiques et criminalité dans le Midi (1789–1802). Ceyzerieu, 2016.
- Sottocasa V.* Le Directoire face au brigandage criminalité, protestation politique et violence d'état // Le Directoire: forger la République, 1795–1799. Paris, 2020. P. 55–71.
- Sutherland D.M.G.* Murder in Aubagne: Lynching, Law, and Justice during the French Revolution. New York, 2009.
- Prenant P.* La bourse ou la vie! Le brigandage et sa répression dans le pays niçois et en Provence orientale (XVIIIe – XIXe siècles). Nice, 2011.
- Rousseaux X.* Rebelles ou brigands? La «guerre des paysans» dans les départements «belges» (octobre-décembre 1798) // Cahiers d'histoire. Revue d'histoire critique. 2005. № 94–95. P. 101–132. URL : <http://journals.openedition.org/chrhc/1254>

Митрофанов Андрей Александрович

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Институт всеобщей истории РАН
119334, Москва, Ленинский пр-т, д. 32а,
Государственный академический
университет гуманитарных наук,
119049, Москва,
Мароновский переулок, д. 26.
e-mail: paxgallica@gmail.com

Andrey Mitrofanov

PhD (History), Senior Researcher
Institute of World History
the Russian Academy of Sciences,
32a, Leninski Ave.,
119334 Moscow, Russia
State Academic University
for the Humanities,
Maronovsky str., house 26.
119049, Moscow, Russia
e-mail: paxgallica@gmail.com
Resercher ID: J-8249-2017;
AAZ-9180-2021
ORCID 0000-0002-8480-5345
Scopus Author ID: 57221665172